

18+

ВОЛЕСЛАВ СУЛТАНБАЕВ

**НЭП.  
ВРЕМЯ  
НАДЕЖД**

Волеслав Султанбаев

**НЭП. Время надежд**

«Издательские решения»

## **Султанбаев В.**

НЭП. Время надежд / В. Султанбаев — «Издательские решения»,

Москва, 1921 год. Страна на руинах: голод, тиф, потерянные судьбы. Бывший красноармеец Алексей и дочь нэпмана Анна пытаются выжить в эпоху НЭПа — хрупкой передышки между «военным коммунизмом» и сталинским террором. Любовь, предательство, выбор между бегством и борьбой на фоне исторических дебатов Ленина, Троцкого и Бухарина. Историческая драма о том, как один шанс на другую Россию был упущен навсегда.

© Султанбаев В.

© Издательские решения

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Историческая драма                | 6  |
| 2026 год                          | 7  |
| Предисловие                       | 8  |
| НЭП: Время надежд                 | 10 |
| Часть 1. Начало перемен           | 11 |
| Глава 1. Руины после войны        | 11 |
| Глава 2. Принцип смазки           | 13 |
| Глава 3. Москва торговая          | 14 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 15 |

# **НЭП. Время надежд**

**Волеслав Султанбаев**

© Волеслав Султанбаев, 2026

ISBN 978-5-0070-4076-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СУЛТАНБАЕВ В.И,

**НЭП: ВРЕМЯ НАДЕЖД**

СУЛТАНБАЕВ ВОЛЕСЛАВ ИСИЛЯЕВИЧ

**НЭП: ВРЕМЯ НАДЕЖД**

## **Историческая драма**

**2026 год**

***«НЭП — это не капитуляция. Это смена тактики. Мы должны учиться торговать, чтобы завтра бить врага его же оружием».***

**В. И. Ленин, X съезд РКП (б), 1921 г.**

## Предисловие

### **Последствия «Военного коммунизма»**

К зиме 1921 года страна напоминала гигантский паровой котёл, у которого лопнули все клапаны. Кронштадтский мятеж стал не «случайностью», а страшным зеркалом. Ленин, запираясь у себя в кабинете, понимал: политика «военного коммунизма», эта жестокая попытка прямым штурмом взять «крепость капитализма», привела к экономической асфиксии. Крестьяне, у которых отбирали хлеб продотрядами, засевали лишь половину земли. Города голодали. Рабочие, те самые «гегемоны», вставали с оружием против вождей.

Нужна была передышка. Операция на живом теле революции.

### **Внутренний круг: первые скрежеты**

В узком кругу — Ленин, Троцкий, Бухарин, Сталин, Зиновьев — висела тишина, разрываемая только треском дров в камине.

Ильич нервно чертил на листке схемы. Он знал, что придется идти на «экономический Брест». Он говорил тихо, но весомо: «Мы разорены. Мы похожи на избитого человека. Нужно взять паузу, чтобы вылечить кости. Заменить продразверстку продналогом. Дать крестьянину торговать».

### **Голос Правой оппозиции: скорбь Бухарина**

Самым неожиданным стал взрыв эмоций от Николая Бухарина, «любимца партии». Он вскочил, его пенсне сверкнуло в полумраке.

— Владимир Ильич, это отступление! Мы сдаем позиции! НЭП означает свободу торговли, а значит — возрождение кулака, нэпмана, эксплуататора! Куда мы пришли? «Обогащайтесь!» — это лозунг, достойный кадетов! Мы проливали кровь за социализм, а теперь будем учиться у торгашей?

Бухарин бил кулаком по столу, призывая оставить жесткую диктатуру, закрутить гайки еще сильнее, расправиться с крестьянством раз и навсегда.

Ленин, бледный, с покрасневшими от бессонницы глазами, холодно оборвал его:

— Коля, ты говоришь как воробей, который не знает, куда прыгнуть. Ты предлагаешь голодом загнать мужика в рай? Мужик голосует ногами — он бежит в банды, он не сеет, он перерезает продотряды. Или мы дадим ему кнут и пряник, или он нас смешает с грязью. НЭП — это не капитализм. Это поиск смычки.

### **Голослевой оппозиции: сталь Троцкого**

Но самым страшным оппонентом оказался Лев Троцкий. Он сидел, вытянув ноги, поигрывая перочинным ножом. Его аргументация была ледяной и жесткой, как февральский ветер из Финского залива.

— Вы предлагаете, Ильич, террор заменить базаром? — голос Троцкого был тих и ядовит. — НЭП — это расслоение. Мы пускаем шакала капитализма в овчарню, думая, что сможем им управлять. Но рынок не знает «красных границ». Вы хотите «социалистическое хозяйство с базаром»? Это химическое соединение нестабильно. Либо мы строим единый государственный план, либо рынок сожрет нас.

Троцкий предлагал чудовищную альтернативу: милитаризацию труда, создание «трудоармий», принудительную коллективизацию (за десятилетие до Сталина), насильственный сгон крестьян в совхозы.

— Надо закрутить гайки еще крепче, Ильич! Страна сломана, только железная дисциплина, как в поезде, довезет её до социализма. А ваш НЭП — это санитарный вагон, который едет в обратную сторону.

Ленин побелел от гнева. Троцкий в тот момент был самым влиятельным военным, хозяином поезда, но в экономике Ленин видел в нем безжалостного технократа, который ради абстрактной идеи готов добить живых людей.

— Ты предлагаешь, Лев Давидович, воевать с крестьянством вечно? — прошипел Ленин. — Мы сядем на крестьянскую шею с красным флагом? Нет! Мы должны отступить, чтобы набрать силу.

#### **Сталин: искусство молчать**

Сталин, отодвинувшись в тень, молчал. Он курил трубку, дым которой струился кверху. Пока Ленин и Троцкий рвали друг друга голосами, Сталин анализировал. Он видел, что Троцкий проигрывает партийной бюрократии. Он видел, что Ленин жертвует идеологией ради власти. «НЭП — это гроб для их революционного романтизма», — думал он. И решил для себя: поддержу Ленина сейчас, чтобы завтра... выбросить и Ленина, и Троцкого, если понадобится.

#### **Развязка: «Маленькая передышка»**

Ленин пошел ва-банк. На X съезде партии 1921 года он бросил на чашу весов весь свой авторитет.

— Товарищи, — гремел его голос, несмотря на последствия инсульта. — Мы бьемся как боксер, который истратил все силы. Если мы не ляжем на канаты на минуту, нас нокаутируют. НЭП — это не капитуляция перед буржуазией. НЭП — это смена тактики. План остается — электрификация, гиганты промышленности. Но сегодня мы должны учиться торговать, чтобы завтра бить врага его же оружием.

Съезд взорвался аплодисментами, смешанными с криками «Долой!».

Бухарин уступил и вскоре назвал НЭП «шагом к социализму», чем вызвал тошноту у старых большевиков.

Троцкий ушел в подпольную оппозицию, предрекая крах.

А Ленин... Ленин внутри себя мучился. Он называл НЭП «серьезным, долгим и трудным отступлением». Он ненавидел нэпманов (частников) больше, чем белогвардейцев, но он умел ждать.

#### **Послесловие: Полемика в крови**

Полемика не утихла до конца десятилетия. Сторонники НЭПа (Бухарин, Рыков) в 20-х кричали: «Обогащайтесь! Растите! Дайте рынку сформировать экономику!».

Противники («Левая оппозиция») во главе с Троцким, а затем и Каменев с Зиновьевым, орали на пленумах: «Кулак душит пролетариат! НЭП создал капиталистических шакалов! Пора к штурму!».

Вся эта кровавая, нервная полемика закончилась в 1929-м. Сталин, который при Ленине робко поддерживал НЭП (и сжег за это Льва Троцкого), пришел к власти и...

Он пошел по пути Троцкого.

Он сломал НЭП, отменил рынок и устроил Большой перелом.

Ирония истории: сторонники НЭПа были расстреляны как враги народа, а оппоненты (троцкисты) — уничтожены как шпионы. И в проигрыше осталась страна.

## **НЭП: Время надежд**

## Часть 1. Начало перемен

### Глава 1. Руины после войны

*Москва, весна 1921 года. Город, который ещё три года назад называли красным сердцем мира, теперь напоминал гигантское пепелище.*

Алексей Чистяков, двадцатитрёхлетний красноармеец, демобилизованный после ранения под Перекопом, стоял на Каланчёвской площади. Вокзалы были забиты такими же, как он — людьми в обмотках и рваных шинелях, с вещмешками за спиной. Паровозы давно не топили, рельсы проржавели, но люди всё равно ехали: на крышах вагонов, на буферах, внутри товарных составов. Ехали домой, хотя понятие «дом» для многих превратилось в абстракцию.

Город встретил его запахом гнили, дыма от «буржук» и сырой известки. Разрушенные особняки зияли чёрными провалами окон. На месте доходных домов торчали остовы стен, из которых торчала арматура — как рёбра гигантских вымерших животных. Вокруг церкви Никиты Мученика, где ещё недавно шли бои, земля была перепажана снарядами. Весной из этой земли полезла крапива — живучая, злая, укрывавшая осколки и гильзы.

Алексей шёл по Тверской, засунув руки в карманы шинели, прожжённой махорочной искрой ещё в девятнадцатом. В кармане — комсомольский билет (промок, буквы расплыли), два чёрствых сухаря и фотография: мать, отец, младшая сестрёнка Нина. Снимок довоенный, 1914 год. Тогда отец ещё работал на заводе Бромлея, мать мыла полы в богатых домах, а сам Алексей бегал в гимназию — единственный из всей слободы, кому выбился шанс учиться.

Война, революция, Гражданская — всё это смыло. Отец пропал без вести в семнадцатом (то ли на фронте, то ли в лагере для дезертиров — никто не знал). Мать умерла от тифа в восемнадцатом. Сестру Нину соседи говорили видели в детском доме на Сретенке. А может, и не видели. Может, выдумали, чтобы утешить.

На углу у разрушенного фонтана грелись у костра беспризорники. Человек десять, от семи до шестнадцати лет. Они смотрели на Алексея волчьими, взрослыми глазами. Один, босой, в женском пальто, спросил:

— Дядь, закурить есть?

Алексей молча покачал головой.

— А ты чего, с фронта? — спросил другой, мальчик с бельмом на глазу.

— С фронта.

— И чего там? Победили, а жрать нечего.

Мальчик сплюнул. Алексей не нашёлся с ответом. Он действительно не знал, что сказать. Победа? Какая победа, если в Москве люди топят мебелью и жгут книги ради тепла? Если в очереди за хлебом стоят с ночи, а дают по восемьсот граммов на рабочего и четыреста — на иждивенца?

В воздухе витали слухи. На рынках, где торговали самокрутками и крадеными вещами, шушукались: «Ленин говорит — надо отступать». «Как так — отступать? Мы же коммунизм строили?» — «А вот так. Продразвёрстку отменяют. Платить будут за хлеб. И торговать разрешат». Кто-то крестился испуганно, кто-то хмурился, кто-то — очень немногие — осторожно улыбался.

Алексей помнил, как в девятнадцатом они ездили по деревням с продотрядами. Забирали зерно подчистую, оставляя селянам только на семена и на пропитание по минимальной норме. Мужики плакали, ругались, а иногда стреляли. Один старик тогда сказал ему: «Вы, городские, думаете — хлеб сам растёт. А его вырастить надо. И если забирать всё — кто будет

сеять?» Алексей тогда прикрикнул на старика, назвал кулаком. А сейчас вспоминал — и в висках стучало.

Теперь говорили: НЭП. Новая экономическая политика. Отступление, но не сдача позиций. Передышка, чтобы собраться с силами. Ленин сам писал в газетах — надо научиться торговать, чтобы потом победить капитализм окончательно.

Алексей не понимал этих игр. Он видел другое: у него нет хлеба, нет крыши над головой, нет семьи. И непонятно, как «торговля» сможет вернуть мёртвых и воскресить сгоревшие дома.

Он свернул в переулок, где ещё держалась старая водопроводная колонка. Из неё еле капало. Напился, умыл лицо. В отражении стоячей воды увидел себя: осунувшийся, небритый, с проваленными щеками. Глаза — молодые, но уже с морщинками вокруг — смотрели устало и настороженно.

«Надо идти на биржу труда, — подумал он. — Говорят, работу дают. Но дают ли?»

Биржа труда находилась в бывшем дворянском особняке. Очередь начиналась от дверей и тянулась на полквартиры. В основном рабочие, но были и бывшие офицеры с наградами на выцветших гимнастёрках, и барышни в лохмотьях, и один профессор в пенсне. Алексей встал в конец. Через два часа его толкнул в плечо какой-то парень:

— Ты чего? Там уже вакансий нет. Сказали — расходитесь.

— Не понял — сказал Алексей.

— А так. На тысячу человек — два места. Одно — грузчиком на вокзал, другое — в архив перебирать бумаги. И то уже разобрали.

Толпа загудела. Кто-то предложил идти громить лавки спекулянтов — их в городе развелось с прошлого года. Кто-то закричал: «За Лениным пойдём! Он скажет правду!» Но большинство просто разбрелось — молча, опустив головы.

Алексей сел на парапет. Дул апрельский ветер, неся гарь и мелкую пыль. Где-то за Садовым кольцом залаяла собака — долго, надрывно, как плакала.

«Ну что ж, — подумал он. — Значит, будем выживать. Как всегда».

Он встал и пошёл в сторону вокзалов. Говорили, что там ночью можно найти работу у мешочников — разгружать товар, носить узлы. Платят мало, бьют часто, но хлеб дают. Для начала сойдёт.

За его спиной остались руины. Впереди — неизвестность, которую называли НЭП.

## Глава 2. Принцип смазки

Москва, 1921 год. Осень. Тверская.

Он вышел из здания Госплана на Тверской и машинально втянул голову в плечи, ожидая удара — то ли пули, то ли судьбы. Но вместо удара в лицо ударил запах. Раньше здесь пахло гарью, махоркой и карболкой. Теперь же сквозь осеннюю прель пробивался жирный, хозяйственный, почти греховный дух — жареный лук.

Георгий Константинович Воронов, бывший военспец, а ныне сотрудник экономического отдела, остановился у витрины, где вместо революционных плакатов «Весь мир насилья мы разрушим» висела скромная табличка: «Прием стеклопосуды. Скупка тряпья».

За стеклом суетился мужик в кожаном пальто, явно сшитом из того самого тряпья, и отсчитывал хрустящие «думские» — бумажки с портретом Екатерины, которые ещё год назад жгли в печках вместо дров.

— Товарищ Воронов? — окликнули его сзади.

Из подъезда, куря скверную папиросу, вышел бывший комиссар 24-й дивизии Бессонов. Без маузера, без знаков различия, в простом френче, но с новеньким портфелем из свиной кожи — признак особого статуса.

— Поздравляю, Георгий Константинович, — Бессонов улыбнулся, обнажив золотые коронки, недавно поставленные частным дантистом на Кузнецком. — Ленин сказал своё «шаг назад». Теперь мы капиталисты. Только на госсчете.

— От нэпманов уже прохода нет, — буркнул Воронов, наблюдая, как скупающий тряпье мужик прячет выручку в носок. — Спросишь у такого, откуда у него тонна сахара — смеется. Говорит: «моя сестра в Госбанке служит».

— А ты не спрашивай. Ты учись. Нам дали передышку. Два, может, три года. Пока Европа не передохнет от кризиса. — Бессонов понизил голос. — Второй отдел ГПУ вчера докладывал: по Волге уже не трупы сплавляют, а зерно. Частники повезли. За золото.

Воронов молчал. Он помнил другую Волгу — 1920 года, когда они с дивизией шли на Деникина, а женщины в деревнях меняли детей на горсть гнилой картошки. Он тогда думал, что ад кончился. Оказалось — только начался.

### Глава 3. Москва торговая

Толкучка у Сухаревки. Декабрь 1921 года.

Воронову было поручено задание — под видом спекулянта выявить канал утечки медикаментов из аптечного склада. Операция «Хинин». Он нацепил рваную чуйку, старый картуз и намазал лицо ваксой, чтобы походить на «бурого» — так в ОГПУ называли среднеазиатских перекупщиков.

Рынок гудел. Толпа текла меж деревянных лотков, где лежало всё, что ещё год назад казалось забытым навсегда.

Немецкие замшевые сапоги — рядом с чугунным утюгом. Свежеиспечённые сайки — поверх французского граммофона. Мужик в буденовке продавал гармонию, а рядом баба с деревянным лицом — три капроновых чулка, привезённых из Риги через «Совторгфлот».

— Дай пять миллион! — крикнул Воронову косоглазый армянин, тыча бутылью с «кока-колой» — американской дрянью, попавшей в страну через Добровольный флот.

Вместо ответа Воронов увидел её.

Она стояла у прилавка с мясом. Женщина в мужском пальто, перетянута солдатским ремнём, но с невероятной — невозможной для голодного года — коробкой «Птичьего молока» в руке.

Она повернулась.

— Гошка? Ты?

Он узнал её через три секунды. Княжна Ирина Оболенская. Та самая, которую он (эсер, а затем попутчик большевиков) вывез из подвала ЧК в Саратове в 1918-м, рискуя трибуналом.

— Ты жива? — выдохнул он.

— Как видишь, — она усмехнулась и ткнула пальцем в табличку «Цены в золотом исчислении» на лотке. — Пока есть что менять. Сейчас меняю свой титул на кусок конины. Идем, напою тебя эрзац-кофе. У меня есть секрет.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.